

DOI: 10.15372/HSS20220202

УДК 39(571.54)

А.А. БАДМАЕВ

ОБРАЗ ХОРЬКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

Статья посвящена характеристике образа хорька в традиционной культуре бурят. В задачи исследования входят: общая характеристика хорька в культуре бурят; выяснение роли образа животного, его символики в мифологических воззрениях и традиционной обрядности бурят. Используются различные методы исследования, в том числе сравнительно-сопоставительный. Анализ показывает, что в традиционной культуре бурят образ хорька несет неоднозначную коннотацию. В бурятской лексике и фольклоре выделяется в основном негативная характеристика данного хищника (хтоническая природа, связанный с ним мотив оборотничества и др.). Вместе с тем в традиционной шаманской обрядности бурят имеет место положительная коннотация образа хорька, проявляющаяся в придании ему сакральных черт. Буряты приписывают хорьковым фетишам функцию духа-помощника шамана, проводника в иные миры. В бурятской семейной обрядности они выступают оберегом для членов семьи, прежде всего для детей, они также наделяются лечебной функцией.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, хорек, фольклор.

A.A. BADMAEV

FERRET IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The work objective is to characterize the image of the ferret in the Buryat traditional culture. Its novelty is determined by the lack of research on this topic in Russian ethnography. The study is based on written and field sources and carried out with a structural-semiotic and comparative methods.

The paper's first section provides a general description of the ferret image in the Buryat traditional culture. It shows this animal's place in the folk zooclassification, reveals its utilitarian use. Lexical data from languages of Buryat and northern Inner Asia peoples indicate the general Mongolian origin of the Buryat names of the ferret. The article pays attention to the edibility criterion of this animal; notes that the Buryat vocabulary and folklore reflect the ferret's main biological characteristics.

The work's second section examines the ferret image in the Buryat folklore and rituals. There is an interchangeability of the images of the ferret and Siberian weasel in the Buryat epic. The ferret is associated with the motif of werewolf, which manifests itself in the plot of the cultural hero's successive reincarnation into different representatives of the marten family. In general, a predominantly negative connotation of this predatory animal is revealed in the Buryat vocabulary and folklore.

This animal's positive connotation, its sacralization can be traced in the Buryat traditional shamanic rituals. Ferret fetishes are credited with a function of a shaman's assistant spirit, a guide to other worlds. In the Buryat family ritual they act as a talisman for family members, primarily for children, they are also endowed with a therapeutic function.

The author concludes that the ferret image has an ambiguous characteristics in the traditional Buryat culture.

Key words: Buryats, traditional worldview, shamanism, ferret, folklore.

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Андрей Андреевич Бадмаев – д-р ист. наук, старший научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: badmaeva@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>.

Andrew A. Badmaev – Doctor of History, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Среди диких животных, образы которых встречаются в традиционном мировоззрении народов Евразии, выделяются представители семейства куньих. Образы этих мелких хищных животных, например у славян, присутствуют в их представлениях о доме и скоте, демонологии, содержатся в обрядовой и вербальной системах и т.п. При этом данные зверьки наделяются разнообразной символикой (хтонической, женской, брачной, эротической и др.) [Гура, 1997]. К семейству куньих принадлежат хорьки, с которыми ассоциируется определенный круг представлений.

Для традиционного мировоззрения бурят образ хорька тоже характерен, однако в бурятской этнографии он до сих пор остается нераскрытым. Целью настоящей работы является характеристика образа хорька в традиционной культуре бурят.

В исследовании привлекались различные виды источников (лингвистические, фольклорные, этнографические), включая полевые материалы автора. При этом основными являются этнографо-фольклорные сведения, собранные отечественными исследователями (Н.Н. Агапитовым, Г.Н. Потаниным, М.Н. Хангаловым и др.). Лексический материал представлен данными из двуязычных национальных словарей, прежде всего двухтомного академического словаря бурятского языка «Буряад-ород толи» [2010]. В статье применяются различные методы исследования, включая сравнительно-сопоставительный метод.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХОРЬКА
В КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Хотя в Байкальском регионе обитают такие виды хорьков, как колонок (сибирский колонок) (*Mustela sibirica*), степной (светлый) хорек (*Mustela eversmanii* Lesson), горностай (*Mustela ermine*), ласка (*Mustela nivalis*) и солонгой (суслик) (*Mustela altaica*), но в фольклоре и обрядности бурят образ хорька связан лишь с первыми двумя видами.

Включение образа хорька в мифологические представления и традиционную обрядность диктовалось утилитарной пользой данного животного, ценившегося за свой мех. Он, по этнической зооклассификации бурят, входит в группу *уһэлиг ан гуруол* 'пушистые звери', которые являются объектом охотничьего промысла. Правда, в отличие от белки и соболя, на хорька не устраивали специальную охоту. При выборе пушного сырья для изготовления элементов одежды предпочтение отдавалось меху лесного хорька. Буряты выбирали также мех колонка, из которого шили мужские головные уборы.

По критерию съедобности хорька относили к числу «нечистых» животных, употребление мяса которых строго запрещалось. Первое упоминание об

этом обнаруживается в сочинении Г.Ф. Миллера [2009, с. 256]. Пищевое избегание мяса этого хищного зверька обуславливалось не только его качествами, но также и сложившимися народными воззрениями о самом животном. Вероятно, такой запрет имел архаичные тотемистические корни. В пользу этого свидетельствует, в частности, существование у хоринских бурят фамилии Куныров, производной от мужского имени Хунери [Митрошкина, 1987, с. 82].

Анализ лексического материала указывает на параллельное использование в языке бурят двух обозначений хорька: *хунери* 'куница, хорек' и *холонго* 'колонок, хорек'. Причем последнее название следует признать основным, так как с ним связывается дифференциация животного: по половому признаку на *азарга холонго* 'хорь', *улэгшэн холонго* 'хорек (самка)'; по месту обитания – *боролжын холонго* 'кустарниковый хорек', *голой холонго* 'степной хорек', *ойн* (или *хубшын*) *холонго* 'лесной (таежный) хорек'; по окрасу меха – *хара холонго* 'черный колонок' (осторожно предположим, что речь идет о черном (лесном) хорьке (*Mustela putorius*), но зоологи считают, что его ареал лежит намного западнее), *шара холонго* (*голой холонго*) 'желтый хорек' [Буряад-ород толи, 2010, с. 558–559].

Языковые материалы по другим народам севера Центральной Азии указывают на единый монгольский генезис этого наименования хищного животного: у хамниганов – *солонго* 'колонок, хорек' [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 253]; у монголов – *солонго* 'колонок, желтый хорек' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 821]; у дагуров – *соолге* 'хорек' [Краткий дагурско-русский словарь, 2014, с. 143]; у дербетов – *солонга* 'колонок' [Потанин, 1881, с. 140]; у тувинцев – *солонго* 'колонок', у дархатов – *солонго* 'колонок' [Потанин, 1883, с. 160]. Как видно, у указанных выше народов, за исключением дагуров, данное название ассоциируется главным образом с колонком.

Сравнение со сведениями из других языков наводит на мысль об общемонгольском происхождении и слова *хунери*: у хамниганов – *кунэрэ* 'хорек' [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 185]; у монголов – *хурнэ* 'хорек' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 1432]; у калмыков – *курн* 'хорек' [Русско-калмыцкий словарь, 1964, с. 761; Хальмг-орс толь, 1977, с. 328]; у дербетов – *курня* 'хорек', у котов – *курня* 'хорек' [Потанин, 1881, с. 140].

Приведенный лексический материал дает примеры общих названий для представителей разных видов куньих (хорька и куницы, хорька и колонка). В первую очередь, это свидетельство того, что в традиционном мировоззрении бурят один зооморфный

образ мог объединять близкие виды животных. В определенной степени это обусловлено и тем, что в природе наблюдается скрещивание кунных: так, в Байкальском регионе отмечаются случаи гибридизация колонка со степным хорьком.

В лексике и фольклоре бурят нашли отражение некоторые биологические признаки зверька. Например, в загадке нож, вложенный в ножны, уподобляется хорьку, проскальзывающему в нору: «Сделавшись человеком, мяса съел, сделавшись хорьком – в нору вошел» (нож в ножнах) [Базаров, 1903, с. 27]. Тот же образ ножа в ножнах повторяется и в калмыцкой загадке: *Курн кевтэ нукид орад, кун кевтэ мах идэд* 'входит в нору, как хорек, ест мясо, как человек' (нож с футляром) [Хальмг-орс толь, 1977, с. 328]. Тот факт, что в качестве убежища хорек нередко использует заброшенные норы, мог вызвать у бурят представление об его хтоническом происхождении.

Способность хорька выделять секрет в случае опасности нашла отражение в использовании применительно к нему соответствующего эпитета: *унэртэй хунери* 'вонючий хорек'. Обратившись к языкам других народов севера Центральной Азии, можно убедиться в распространенности данного выражения: у хамниганов – *унэртэй курэроор хубилдэжи* 'превратившись в хорька вонючего' [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 185]; у монголов – *омхий хурнэ* 'хорек вонючий' [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002, с. 1432]; у дербетов – *умукя курня* 'хорек вонючий' [Потанин, 1881, с. 140]; у тувинцев – *джидыг кырса, бозы джидек* 'вонючий рот' [Потанин, 1883, с. 160]. То же отмечается в языках славян, причем происхождение слова *хорь* ведется от праславянского *дохорь* 'хорь, первонач. вонючка, связано с дух, *дохнуть*' [Фасмер, 1987, с. 270]. Действительно, выделяемый зверьком запах напоминает трупное зловоние.

Еще одну физическую особенность хорька передает иносказание, используемое бурятскими охотниками во время промысла, *будуун хузуун* 'толстая шея, хорек'. Примечательно, что такое выражение употребляли охотники и у некоторых алтайских тюрков: у теленгитов – *кузэнь* 'толстая шея', у алтайцев – *бон моин* 'толстая шея' [Потанин, 1883, с. 160]. Данное обстоятельство позволяет говорить о былых этнокультурных контактах предков части бурят с тюрками Алтая.

ОБРАЗ ХОРЬКА В МИФОЛОГИИ, ФОЛЬКЛОРЕ И ОБРЯДНОСТИ БУРЯТ

Касаясь мифологических воззрений бурят о хорьке, укажем, что хорек в их фольклоре – редкий персонаж. Стоит констатировать, что в эпике обнаруживается взаимозаменяемость его образа образом колонка. Проиллюстрировать это можно фрагментом

из улигера «Мерген Цохондой с быстрым пестрым конем»:

Меня обмануть сумели
Женщины коварные.
Они сумели изловить
Душу мою, оборотившись
В **хорька** вонючего,
В сучку **колонка**» (выделено мною. – А.Б.).

[Жамцарано, 1982, с. 260].

Как видим, с данным зверьком был связан мотив оборотничества. В качестве иллюстрации этого можно привести еще отрывок из героического эпоса «Гэсэр»:

А след горностая вдруг исчез
И превратился в след колонка.
<...> И вот уж ни колонка, ни горностая нет,
Перед ней обыкновенный человеческий след.
<...> Смотрит она, не спуская глаз:
Унты, отряхивая от мокрого снега,
Запахавшись, как после быстрого бега,
Не горностаи и не колонок, а Хан Хурмас.

[Гэсэр, 1986, с. 86–87].

В приведенном фрагменте обращает на себя внимание сюжет последовательных перевоплощений героя по ходу действия в один, потом в другой вид хорька.

Отрицательная коннотация образа этого животного читается в народной примете, согласно которой, дурным предзнаменованием считали, если хорек поселится в зимнике [Потанин, 1883, с. 133]. Учитывая его хтоническую природу, буряты, вероятно, боялись его негативного воздействия на свою семью.

Образ хорька представлен в шаманской обрядности бурят: он связывается с фетишами-онгонами. При проведении шаманских обрядов было принято вывешивать наряду с другими онгонами (шкурами почитаемых животных, считавшихся духами-помощниками шамана) мех хорька и/или колонка. Так, в числе фетишей, именуемых *табан хушуута* 'с пятью мордами' (согласно космогоническому мифу, это дикие животные, бывшие при сотворении мира [Хангалов, 1960, с. 12]), фигурирует шкура хорька, обычно обвязанная желтыми нитками (вероятно, так акцентировали цвет волоса данного зверька) [Хангалов, 1958, с. 361]. Во время обряда посвящения шамана *хуурай* и обряда *угалга* 'мытье' (ритуального очищения шамана) у предбайкальских бурят выставляли *Юнэн хушуута онгон* 'Онгон из девяти морд', среди шкур девяти диких животных, будто бы защищающих и помогающих шаману в его мистических путешествиях, была и шкура хорька (соответственно, располагаемая третьей в ряду). Причем у агинских бурят в обряде посвящения шамана *шанар* одновременно были представлены хорьковый и колонковый фетиши [Нацов, 1995, с. 81–82].

К одному из важных атрибутов шамана – *мориной хорьбо* ‘конской трости’ – привязывали помимо шкур горностая и белки шкуру хорька [Агапитов, Хангалов, 1883, с. 118]. Считалось, что «конская» трость обозначает восьминогую коня шамана, якобы переносившего его в разные миры, а духи животных должны сопровождать его в дороге, играя роль проводников в иной мир.

Кроме того, в ритуальный костюм шамана, в частности агинского, входила подвеска-амулет хорька [Жамцарано, 2001, с. 290], опять-таки символизирующая одного из его духов-помощников.

В семейной обрядности бурят образ хорька тоже увязывается с различными фетишами. Так, роль оберега для младенца выполняла шкурка хорька, привешиваемая к его колыбели [Потанин, 1883, с. 702]. Кроме того, в бурятском жилище находились онгоны, олицетворявшие духов-покровителей, в том числе умерших шаманов; они представляли собой шкуру хорька с украшениями.

Онгон *Нолонго эжин* ‘Хозяин хорька/колонка’, под другим названием известный как *Холонгото убгэн* ‘Старик с хорьком/колонком’, почитался у предбайкальских бурят, особенно у эхиритов, как дух шамана *Мэндэйн хубуун Эргэл буга* [Жамцарано, 2001, с. 74], иначе: *Эргэл буга тунхэ галзуу Мандахеева* ‘Редкий олень, мрачный, бешенный Мандахеев’, зятя шаманки *Хукиюгут* (от *хугиэн* ‘старуха’) [Потанин, 1883, с. 117]. К нему обращались, например, со следующими словами:

Шар тэнигир гэзиге шара холонго мена
Мандахэй кубун иргүль бугэ тункэ галдзу
Куден голю хугохуга ушюта газыр худыл.

[Там же].

То же в нашей интерпретации:

*Шар тэнигэр гэзэгэ шара холонго мэнэ
Мандахай хубуун эргэл буга тунхэ галзуу
Худа гол хугохуга ушюта газар нуудал.*

Ровная коса, желтый хорек сейчас
Сын Мандахая, редкий олень, мрачный, бешеный
На реке Куде в местности Хугохуга ушюта живет.

(Перевод мой. – А.Б.).

Согласно одной из легенд, он родился от того, что семилетняя девочка проглотила небесную градинку [Зеленин, 1936, с. 281]. Заметим, что подобные сюжеты чудесного зачатия нередки в фольклоре степных народов Центральной Азии с древности и обычно объясняют легендарное рождение основателя государства или отдельного племени и рода.

В материалах Ц.Ж. Жамцарано также фиксируется версия божественного происхождения этого шамана: «Одна девушка забеременела от божества ... Хотя она не имела сношения с мужчиной, но родите-

ли оскорбились ее поведением..., и когда надо было родить, крепко-накрепко заперев юрту, оставили ее одну. Некто Мэндэ из рода Ханыйид был табунщиком у одного богача. Вдруг слышит крик и плач в юрте. Взобрался на юрту (деревянную), посмотрел – лежит девушка, всю ее раздуло. Она говорит: «Приди, ложись рядом, тогда я рожу». Мэндэ отворил двери и исполнил просьбу девушки. Божественный мальчик родился, ибо он ждал, чтоб был исполнен человеческий обычай» [2001, с. 74].

У кударинских бурят, потомков мигрантов из Предбайкалья, осевших в Восточном Прибайкалье, произошла трансформация биографии данного мифического персонажа, в частности, в их шаманском призывании изменены его имя и имя его отца, упоминается сын:

*Нолонгошо убгэн
Гэндэн хубуун
Эргэн богдо Тулхэй галзуу
Барууни ерэн нашаа
Юһэн ёдоогоо
Гурбан ёдоогоо
Тулхэйн хубуун Ухаандайда угоо
Ергоон ёдоогоо
Хандаган хундэ угоо
Хударайн буряадууд
Гушан модо хадхана
Гурбан хушуун болгоно». Старик [имеющий] колонка
Сын Гындына (Соболя),
Народный святой Тулхэй бешеный,
С запада пришедший сюда.
Девять посвящений.
Три посвящения.
Сыну Тулхэя Ухаандаю даны
Шесть посвящений,
Лосиный вес дан.
Кударинские буряты
Тридцать деревьев втыкают,
В третью [по счету] морду превращают.*

(Перевод мой. – А.Б.) (ПМА).

Последние две строки призыва содержат некоторые детали проведения обряда посвящения шамана данными бурятами: обычай вкапывать на месте обряда определенное число молодых березок и вешать на них третьим по счету хорьковый онгон. Примечательно также, что здесь воспроизводится известная в фольклоре бурят идея о старшинстве соболя (отца) по отношению к хорьку/колонку (сыну).

У бурят имелись локальные варианты такого фетиша, общей деталью которых являлась располагаемая посередине онгона небольшая антропоморфная фигурка из жести, которая олицетворяла собой духа-хозяина хорька. Как можно понять из описаний, приводимых в литературе, этот семейный пенат помещался в женской половине юрты над супружеской постелью или вешался с уличной стороны жилища

[Зеленин, 1936, с. 106]. Судя по его местоположению во внутреннем пространстве юрты, его ритуальным кормлением занималась хозяйка дома. Очевидно, что он наделялся охранительной функцией.

Другой фетиш *Уентэ хунеритэ* ‘С горностаем и хорьком’ или, согласно Г.Н. Потанину, *Шабаршин хойр хубут* (*Шабартай хоер хубууд*) ‘Злокозненные два парня’ (по смыслу вместо *хубууд* правильное писать *хухууд* ‘девочки’) [Потанин, 1883, с. 115]. Согласно легенде, некий шаман Мандай выжег оплавленным свинцом глаза своим дочерям Булхан и Мундхан в наказание за совершенный проступок; после смерти они стали зловредными духами, изводившими младенцев. Однажды пойманные приглашенным шаманом они обратились в горностая и хорька, поэтому вошло в традицию использовать мех упомянутых зверьков при изготовлении данного фетиша [Баторов, Хороших, 1926, с. 9]. Функцией такого семейного пената являлась защита детей от нечистой силы. Этот онгон представлял собой вильчатую палку; к каждому концу ее развилки привязывали шкурку одного зверька – хорька или горностая.

Между тем, по Г.Н. Потанину, дух-покровитель при жизни был рыболовом: «Ему брызгают, когда глаза болят. Жертву приносят рыбой, а за неимением ее – конским жиром» [Потанин, 1883, с. 115]. Отсюда можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с наложением двух различных историй появления этого онгона. Заметим, что функционально этот вариант фетиша отличается от рассмотренного ранее, так как ему приписывают исключительно лечебное свойство: полагали, что он помогает при глазных болезнях.

Его призывали, произнося следующее:

*Унын дыгыл уин
Забукты заян
Хошун дыгыл хуныри
Боло булынды бурхан боло.*

[Там же].

Жаркая шуба горностая,
Занятой покровитель,
Двойная шуба хорька,
Божеством всех углов стал.

(Перевод мой. – А.Б.).

Фетиши подобного рода были известны у некоторых тюрков Южной Сибири (хакасов, тувинцев, шорцев), например, хакасским фетишам также вменялись лечебные свойства (исцеление от сердечных недугов и др.) [Бурнаков, 2020, с. 120–121].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что в бурятской культуре образ хорька имел неоднозначную характеристику. В лексике и фольклоре бурят выяв-

ляется преимущественно негативная коннотация этого хищного животного. Полагали, что хорек имеет хтоническую природу. Кроме того, с ним был связан мотив оборотничества, проявляющийся в сюжете последовательного перевоплощения культурного героя в разных представителей семейства куньих. В эпике бурят также отмечается взаимозаменяемость образов хорька и колонка.

Между тем в традиционной культуре бурят обнаруживаются вероятные следы локального тотемистического культа хорька, который, в частности, связан с отнесением его к категории «нечистых» животных.

Положительная коннотация образа хорька, его сакрализация прослеживается в традиционной шаманской обрядности бурят. Хорьковым фетишам приписывают функцию духа-помощника шамана, проводника в иные миры. В бурятской семейной обрядности они выступают оберегом для членов семьи, прежде всего для детей, их также наделяют лечебной силой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. Иркутск, 1883. 169 с.
2. Баторов Ш.Л. Пословицы агинских бурят // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1903. Т. 6, вып. 1. С. 21–39.
3. Баторов П.П., Хороших П.П. Материалы по народному скотолечению иркутских бурят. Иркутск, Власть труда. 1926, 13 с.
4. Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
5. Бурнаков В.А. Фетиши – тесы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.
6. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. II: О-Я. 708 с.
7. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
8. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. I. 288 с.
9. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 14: Этнографическая серия, вып. 3. 436 с.
10. Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
11. Жамцарано Ц.Ж. Улигеры ононских хамниган. Новосибирск: Наука, 1982. 274 с.
12. Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
13. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
14. Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
15. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.

16. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 1: Дневники путешествия. Материалы для физической географии и топографии Северо-Западной Монголии. 425 с.
17. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
18. Русско-калмыцкий словарь / под ред. И.К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 864 с.
20. Хальмг-орс толь. Калмыcko-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
21. Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
22. Хангалов М.Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
23. Хангалов М.Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.

REFERENCES

1. Agapitov N.N., Khangalov M.N. (1883). Materials to study shamanism in Siberia. Shamanism among the Buryats of Irkutsk Region. Irkutsk, 169 p. (In Russ.)
2. Batorov P.P., Khoroshikh P.P. (1926). Materials on folk cattle breeding of Irkutsk Buryats. Irkutsk, Vlast' truda, 13 p. (In Russ.)
3. Bazarov Sh.L. (1903). Proverbs of Agin Buryats. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 6, iss. 1, pp. 21–39. (In Russ.)
4. Burnakov V.A. (2020). Fetishes – tyos in the Khakass traditional worldview (the late XIX – mid XX centuries). Novosibirsk, IAET SB RAS, 188 p. (In Russ.)
5. Cheremisov K.M., Shagdarov L.D. (Comps.) (2010). Buryaad-oroḱ toli. Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, vol. 2, 708 p. (In Buryat, Russ.)
6. Damdinov D.G., Sundueva E.V. (Eds.) (2015). Khamnigan-Russian dictionary. Irkutsk, Ottisk, 364 p. (In Khamnigan, Russ.)

7. Fasmer M. (Ed.) (1987). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow, Progress, vol. 4, 864 p. (In Russ.)
8. Gobel E.-T.T., Tsybenov B.D. (Eds.) (2014). Short Dagur-Russian dictionary. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 236 p. (In Dagur, Russ.)
9. Gura A.V. (1997). The symbolism of animals in Slavic folk tradition. Moscow, Indrik, 912 p. (In Russ.)
10. Ilishkin I.K. (Ed.) (1964). Russian-Kalmyk dictionary. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 803 p. (In Kalmyk, Russ.)
11. Khangalov M.N. (1958). The collected works. Ulan-Ude, Buryat Book Publ, vol. 1, 551 p. (In Russ.)
12. Khangalov M.N. (1960). The collected works. Ulan-Ude, Buryat Book Publ, vol. 3, 421 p. (In Russ.)
13. Miller G.F. (2009). Description of the Siberian peoples. Moscow, 456 p. (In Russ.)
14. Mitroshkina A.G. (1987). The Buryat anthroponymy. Novosibirsk, Nauka, 222 p. (In Buryat., Russ.)
15. Naidakov V.Ts., Chagdurov S. (Eds.) (1986). Geser. Buryat national heroic epic. Ulan-Ude, Buryat Book Publ, vol. 1, 288 p. (In Russ.)
16. Natsov G.-D. (1995). Materials on the Buryat history and culture. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 155 p. (In Russ.)
17. Muniev B.D. (Ed.) (1977). Khal'mg-ors tol'. Kalmyk-Russian dictionary. Moscow, Russian language, 768 p. (In Kalmyk, Russ.)
18. Potanin G.N. (1881). Essays on northwestern Mongolia. Saint Petersburg, iss. 1, 425 p. (In Russ.)
19. Potanin G.N. (1883). Essays on northwestern Mongolia. Saint Petersburg, iss. 4, 1026 p. (In Russ.)
20. Pyurbeev G.Ts. (Ed.) (2001–2002). Large academic Mongolian-Russian dictionary. Moscow, Academia, 2198 p. (In Mong, Russ.)
21. Zelenin D.K. (1936). The Ongon cult in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of Siberian peoples. Moscow, Leningrad, Institute of Antropology, Archeology & Ethnography, 436 p. (In Russ.)
22. Zhamtsarano Ts.Zh. (1982). Tales of the Onon Khamnigan. Novosibirsk, Nauka, 274 p. (In Buryat, Russ.)
23. Zhamtsarano Ts.Zh. (2001). Travel diaries 1903–1907. Ulan-Ude, BSTS SB RAS, 382 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.03.2022

Дата рецензирования 01.04.2022

Статья принята к публикации 14.04.2022